

ЭТЮДЫ О ПОЭЗИИ

Ч АСТО не без оснований сетуют на критику, хотя в ее необходимости и важности никто не сомневается. Я сам не понимаю и не принимаю критики поучающей, наставляющей, хладнокровно толкующей об искусстве. К назначению и смыслу критики ближе, думается, способность к сопереживанию, сопониманию.

Критик, как писатель, наделенный тонким эстетическим вкусом и отзывчивостью, — именно таким предстает в лучших своих работах Владимир Огнев, давно и плодотворно работающий в литературе. Много сил отдал Огнев, которого я знаю со студенческих лет, великому делу единения братских наших литератур и культур. Знаю русскую поэзию, он столь же глубоко и заинтересованно следит за развитием и достижениями национальных литератур, выявляя корни нашего духовного единства. Перу его принадлежат и работы, посвященные литературе социалистических стран. Читатели наверняка заметили и выделили недавно им опубликованные «Югославский дневник», «Пять тетрадей». Хотелось бы выделить и подготовленную им антологию черногорской поэзии «Песни Черной горы», изданную «Прогрессом».

Мне близко и такое качество его работ. О чем бы он ни писал — о дагестанских поэтах, литовской поэзии, Назыме Хикмете, Луговском, Пабло Неруде и Мирзо Турсун-заде, о тайнах русского стиха. Викторе Шкловском и Николае Заболоцком, — всегда он судит о явлениях искусства, не замыкаясь только в эстетическом, а выходя на широкий простор времени и жизни, не забывая о кровной связи литературы с судьбами народа. Социально-исторический подход обогащает его эстетический анализ.

Убеждающая сила критического слова Огнева заявила о себе и в «Грузинских этюдах» — сборнике статей о мастерах грузинской поэзии, опубликованном недавно в Тбилиси. Признание в любви к великой поэзии братского народа — так бы я расшифровал основной смысл

работы русского критика. Чудо грузинской лирики живет, не умирая, в книге — это главное и это я рассматриваю как бесспорный успех.

Мне всегда казалась трудной, почти невыполнимой, задача сохранить на языке критического истолкования очарование и живую суть поэтического слова. Огневу же удается, приглашая читателя в удивительный и прекрасный мир грузинской поэзии, приблизить его к своеобразию национальной культуры. Критик действительно знает эту культуру, изнутри анализирует поэтические достижения и в то же время как представитель другой культуры точно и аргументированно судит об их общечеловеческой ценности.

Первая часть книги названа «Мтацминда». Мятный дух Николоза Бараташвили, подлинная народность Акакия Церетели, сила поэтических образов Важа Пшавела... Огнев пишет о грузинских классиках, сознавая сложность задачи поведать посвоему, не повторяясь, о хорошо известном. И критик нашел свои слова, свежо и интересно взглянул на легендарного «Мерани», поведал о богатстве образа Родины в стихах Акакия (в каждом герое его лирики светилась Родина), о мастерстве автора «Змееда».

Особенно удалась, на мой взгляд, статья о Галактионе Табидзе. Увлекательный рассказ о сложном пути поэта начинается так: «Галактион Табидзе для русского читателя — одна из наиболее загадочных фигур». Это интригующее начало не остается декларацией. Умно и доказательно говорится об особом положении Галактиона в родной поэзии. Огнев убеждает нас в проникновенной поэтичности, как хорошо сказал Михаил Луконин, «Галактики Галактиона».

Героями книги стали и наши современники — Ираклий Абашидзе и Григорий Абашидзе, Анна Каландадзе и Михаил Квливидзе. В статье, посвященной моему другу Карло Каландзе, критик четко определяет существо самой природы поэзии: «Если бы я попытался одним словом определить то качество поэзии, которое дает стихам возмож-

ность жить в истории своего народа и наиболее полно впитывать духовные запросы времени, я не нашел бы более удачного слова, чем органичность». Я охотно разделяю это мнение и также связываю истинность поэтического слова с его природной органичностью и естественностью.

Заключительный раздел составили заметки о переводе. О том, насколько прав Огнев в обосновании научных принципов перевода, у меня нет желания говорить. Потому прежде всего, что решающее значение имеет талант переводчика, способного уловить дух подлинника, мысли и чувства творца. Если же нет таланта, то, увы, никакие научные обоснования, никакие специальные знания не помогут. И мне нравится, что Огнев выступает не за буквальную точность перевода, а за достижение художественной точности, ибо, как хорошо сказал поэт, «ничто не вольность, если любишь». Лафос именно такой точности мы ощущаем в интересном сопоставлении переводов «Мерани», выполненных Борисом Пастернаком и Михаилом Лозинским.

Огнев, наверное, прав, когда пишет о долге русской профессиональной критики перед удивительным явлением грузинской музыки. Если он и есть, этот долг, то, думается, сам Владимир Огнев успешно погашает его. Об этом красноречиво свидетельствуют «Грузинские этюды». Путешествие в мир грузинской поэзии обогащает читателя, углубляет наше представление о древней и вечно молодой поэтической культуре, у истоков которой возвышается гениальный Шота Руставели. Ярослав Ивашкевич, высоко оценив труды Владимира Огнева, писал как-то о нем, что у Огнева богатейший опыт и огромный багаж. Он ежедневно имеет дело не только с русской поэзией, но со всей поэзией народов Советского Союза, а в каждой из них своя поэтика и своя традиция. Нельзя не согласиться с мнением крупного польского писателя.

Расул ГАМЗАТОВ.

издано 1978, 16 февраля